

Довлатзаде М. А.

Бакинский славянский университет

ПРОСВЕЩЕНИЕ НАЧАЛА XX ВЕКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

У статті досліджуються реалії художнього тексту в просвітницькій реалістичній прозі Азербайджану, роль національних і релігійних цінностей, що лежать в основі цих реалій. Місце ісламської моралі у світогляді автора займає наукова ясність. Між авторським світоглядом і поглядами героїв на проблеми виявляються взаємодоповнювальні сторони. Наукову позицію автор розкриває на основі аналізу зразків художньої прози того ж періоду. Дослідження спрямоване на виявлення у творах художнього вираження просвітницького світогляду автора. Для дослідження обрано період початку XX століття, особливо до 20-х років і 20-і роки. У процесі дослідження автор розкриває свою наукову позицію на основі аналізу праць інтелігенції-просвітителів того часу. Ці твори представлені автором як твори, що несуть у собі естетичні принципи просвітницького реалізму, і як художні зразки, що розкривають роль національних і релігійних цінностей у вихованні людини. Водночас у дослідженнях різних епох досліджується і характер наукового ставлення до цих творів. Автор статті обґрунтовує свої погляди на типологію образів, структуру сюжету, на тлі яскравого вияву естетичних якостей, властивих просвітницькому реалізму у втіленні авторської ідеї. А в прозі 20-х років XX століття звертає увагу на наявність у просвітницькому світогляді автора тенденції критичного ставлення до релігії і пояснює правильність її обґрунтування радянською ідеологією. Зазначається, що твори, які з'явилися як художнє вираження світогляду автора, виконують політико-ідеологічну місію. У цьому сенсі виникають типологічні відмінності між просвітою початку XX століття і просвітою 20-х років. Ураховуючи те, що на новому порівняно із серединою XIX століття етапі національна суспільна думка, боротьба за національне буття і свідомість отримали форму радикального руху, можна вважати, що ісламський світогляд, який усе глибше починає займати своє місце в суспільній і культурно-естетичній думці, виступає як вираження національної самосвідомості, національного прогресу, прихильності до історичних коренів.

Ключові слова: просвітницький реалізм, релігійний світогляд, просвітництво, проза, національна цінність, іслам.

Постановка проблеми. В національній (азербайджанської) літературі європейського типу кінця XIX – початку XX вв. важливу позицію займало не атеїстично-матеріалістичне, а ідеалістичне мировоззрення і ісламське мислення. Наряду с Ісламським просвітництвом визнання факта «вооруженности Кораном» в просвітництві європейського типу свідечує про те, що національна громадська і естетична думка вже вступила на шлях розвитку в іншій манері. Ураховуючи, що на новому порівняно з серединою XIX в. етапі національна громадська думка, боротьба за національне буття і свідомість прийняли форму радикального руху, можна вважати, що ісламське мировоззрення, яке все глибше починає займати своє місце в громадській і культурно-естетичній думці, виступає як вираження національного самосвідомості, національного прогресу, прив'язаності до історичних коренів. Якщо

учеть, що в цей період національна середовище в багатьох випадках розумілася як ісламська середовище, і вважати, що межі національного буття і релігійної належності також не були до кінця розмежовані, то можна в повній мірі представити корні, психологічні основи тієї ролі, яку грає іслам в соціально-культурній думці.

Видвиження ідеології ісламізму як важливого ідейного напрямку, одного з основних ідеологічних напрямків в громадській і естетичній думці початку XX в., підтверджує і літературознавство радянського періоду. Але воно представляє її як ознаку відсталості, як перешкоду розвитку, як виключальну позицію, а також в односторонньому порядку, не розкриваючи істинної сутності цього руху і думки: «Роки реакції і період Першої світової війни характеризуються переходом азербайджанської буржуазії на повністю контрреволюційний

фронт. В связи с новыми историческими условиями в этот период ярко проявляются реакционные черты в его социально-политических и философских взглядах. В те годы проповедь ислама еще более усилилась. Буржуазные идеологи пытаются доказать, что дальнейшее развитие человечества возможно только с исламской религией. Его необходимо сохранить и приспособить к новым историческим условиям. Исламская религия создает условия для развития (как материального, так и духовного)» [1, с. 284].

А. Гусейнзаде приводит в пример один из известных хадисов пророка Мухаммеда: «Приобретение знаний – обязанность каждого мусульманина и мусульманки. Приобретайте знания от колыбели до могилы, ищи знания, даже если для этого нужно отправиться в Китай». При толковании хадиса пророка Мухаммеда А. Гусейнзаде отмечает, что Расули-Акрам в этом хадисе подразумевает как светские, так и религиозные науки. Он выдвигает на первый план логику в хадисе пророка Мухаммеда: «если бы простая наука была шариатом, не было бы сказано, ищи знания, даже если для этого нужно отправиться в Китай».

А в прозе 20-х годов XX века в просветительском мировоззрении автора прослеживается тенденция критического отношения к религии, и правильно было бы обосновать ее советской идеологией.

Авторское мировоззрение, рассматриваемое в литературе 20-х годов как проявление принципа открытой тенденции просветительской мысли, получает силу от идеологии. Произведения, выступающие как художественное выражение авторского мировоззрения, фактически выполняют политико-идеологическую миссию. В этом смысле возникают типологические различия между просвещением начала XX века и просвещением 20-х годов.

В литературной критике периода независимости мало сказано о тех чертах, которые типологически сближают социалистический реализм и просветительский реализм. Однако даже эти краткие признаки показывают, что существуют серьезные закономерности в вовлечении обоих «измов» в типологическое сравнение: «одной из главных черт просветительского и социалистического реализма является кажущаяся тенденциозность. Читая произведения, посвященные этим течениям, мы всегда сталкиваемся с точкой зрения, которая хочет изменить человека. В просветительстве это привлекает внимание с первого взгляда как тенденция автора, а в соцреализме –

как тенденция идеологии. Но в связи с этим между ними невозможно поставить даже острый барьер. Потому что в тенденциях просвещения есть идеология, а в социалистическом реализме – индивидуалистическая позиция. Основное различие здесь заключается в том, что в просвещении позиция писателя и позиция идеологии совпадают, в то время как писатель в основном выбирает идеологию, которой он добровольно служит. Однако в социалистическом реализме писатель вынужден это делать и направлен на это» [2, с. 67].

Когда просветитель переходит от идеи просветительского реализма к сюжету, это предстает как индивидуальное выражение его взглядов на жизнь. А в социалистическом реализме переход от идеи к сюжету является не личным выражением взгляда писателя на жизнь, реальность, а средством пропаганды идей, продиктованных политическим режимом. В этом смысле в социалистическом реализме идеи, отраженные в художественных произведениях, носят тотальный характер. Несмотря на эти различия, новый творческий метод в значительной мере выигрывает и от просветительского реализма в плане средств его выражения. В литературе 20-х годов важное место занимает необходимость просвещения, науки, образования, просвещения людей. Но в литературе этих лет пропаганда просвещения выступает как составная часть политики советского режима «культурной революции». В политике «культурной революции» место отводится только светскому образованию и науке, религиозное образование и науки не принимаются. В связи с этим в литературе также отводится место пропаганде светского образования и науки, объектом резкой критики становится религиозное образование, религиозные науки, религиозное мышление.

Реализация идей через стереотипные конфликты все больше привлекает наше внимание. На самом деле отраженные авторами идеи черпают силу не из реальной жизни, а из политики меняющегося времени. Отношения «муж – жена», «женщина – мужчина» протекают в контексте тирании мужа, угнетения жены. Женщина входит в общественную жизнь и становится рабочей силой режима.

Во втором случае пропагандируется способность светского образования и науки выводить людей из тьмы на свет, а также идея о том, что религиозное образование и наука должны превращать жизни людей в царство тьмы. В третьем случае на одной стороне конфликта стоит богатый класс, а на другой – представители бедных слоев.

Во всех трех случаях художники максимально извлекают выгоду из возможности просветительского реализма изображать, односторонне нагружая образ. Муж в абсолютном смысле является тираном, представители религиозных и высших сословий изображаются как люди жестокой натуры, лишённые всех человеческих качеств, но думающие только о своих личных интересах. Просветительская проза становится атеистической. В художественном инкасе религия и просвещение образуют противоположные полюса конфликта. Взгляды художников этих лет на ислам типологически обусловлены двумя направлениями. Во-первых, мировоззрение художников приспособляется к политике меняющегося времени, и в таком случае в их творчестве критический взгляд на фанатизм, предрассудки, невежество, культурную отсталость, на неблагоприятные поступки религиозных деятелей сочетается с критическим взглядом на основы религии. Политизация позиции художника мешает ему развивать сюжет в соответствии с требованиями жизненной правды. Поэтому в таких политизированных произведениях присутствуют определенные искажения, искусственный пафос в превращении жизненной правды в художественную реальность.

В произведениях «Зимние ночи спящей деревни», «Хаджи Султан», «Жена слепого», «Месяц доброты и благословения» С. Гусейна, «Трудная тайна или проблема женитьбы на двух женщинах», «Неожиданный результат», «Рабыня господина» Т. Шахбази, «На вершине высокой горы», «Сеидларский очаг» А. Ахвердова, «Сорок дубин», «Тукезбан – бой-баба», «Демон» Б. Талыблы, «Дильбер» Дж. Джаббарлы и др. ведущим лейтмотивом становится атеистический дух и его связь с мировоззрением автора. Конечно, несмотря на то, что эти писатели придерживаются этой позиции, нелогично полагать, что все они атеисты из-за их личного мировоззрения. В прозе 1920-х годов лидирует тенденция отождествлять религию и духовенство с суевериями и фанатизмом. Поэтому в прозе 20-х годов возникает противоречие между материалом жизни и авторским мировоззрением. Жизненный материал не давал оснований для критического подхода к религии, в то время как фанатизм, суеверие давали богатый материал для критики действий религиозных деятелей. Поэтому художественное решение жизненного материала, сюжетную линию авторы строили таким образом, чтобы главной целью критики была сама религия. Несомненно, такое вмешательство в превращение правды жизни в художе-

ственную истину, в линию развития сюжета ослабляло реализм, открывало дорогу иллюзорным образам авторов.

Этот аспект подтверждается всесторонним анализом рассказов Дж. Джаббарлы «Дильбер», С. Гусейна «Зимние ночи спящей деревни», «Месяц доброты и благословения». Критическое отношение к религии в большей степени отражается в контексте борьбы за права женщин. Тенденциозный подход к шариату лежит в основе просветительской пропаганды. Шариат осуждается как система религиозных правил, которая дает правовую основу для бесправия женщин, а чадра критикуется как средство ограничения доступа женщины к общественной жизни. Атеистическая тенденция усиливается во второй половине XX века по сравнению с первой половиной 20-х годов. В целом, в 20-е годы также появлялись произведения, выходящие за рамки атеистической мысли по отношению к религии, но выражающие критический взгляд на фанатизм и мракобесие.

Рассказ Т. Шахбази «Рабыня господина» был написан в 1924 году. Несмотря на то, что время менялось, писателю удалось сохранить верность традиции, тесно связать художественно-эстетическое описание событий с меняющимся временем.

При всем этом мы встречаем случаи, когда эстетическая мысль 20-х годов силой художественной традиции противостояла политическим устремлениям времени. Произведения этого типа составляют меньшинство в прозе 20-х годов. Однако подобные случаи доказывают, что национальные традиции просветительского реализма в той или иной степени сохранились и в прозе 20-х годов.

На этапе просветительно-реалистической прозы с 1890-х по 1920-е годы проблема героя-просветителя выступает как одна из составляющих эстетики просвещения и создает впечатление продолжения литературной традиции. В литературной критике Шейда бей в дилогии С. М. Ганизаде «Мектубати-Шейда бек Ширвани» и Бахадыр в романе Н. Нариманова «Бахадыр и Сона» однозначно ценятся как просветительские герои и принимаются как выразители идей автора. Важная миссия возлагается на героя-просветителя в реализации мировоззрения автора и рожденного из него эстетического идеала.

Шейда бек также выдвигает национальное воспитание как важнейшее условие. Он считает школу началом национального воспитания и одновременно главным фактором. Педагогу отводится решающая роль в определении дальнейшей судьбы нации. Роль Бахадыра и Шейды

бека в воспитании и прогрессе нации, то есть вопрос религиозного мировоззрения обоих героев в литературоведении, оценивался либо противоречиво, либо с позиции отрицания.

Авторское мировоззрение с мировоззрением героя-просветителя по отношению к исламским ценностям дополняют друг друга. Идеи, прозвучавшие в литературоведении в контексте отрицательного отношения к исламу в мировоззрении Бахадыра, связаны, в первом случае, с неправильным пониманием его суждений, а во втором – с атеистической пропагандистской миссией, поставленной политики политическим режимом перед научной мыслью.

Художественный текст не подтверждает отрицательное отношение Бахадыра к Исламу, напротив, он воплощает в жизнь твердую веру Бахадыра в существование единого Бога. Идея «Нет Аллаха кроме Аллаха» лежит в основе религиозного мировоззрения Бахадыра. Под понятием «долины бездны» Бахадыр подразумевает не религии, а инициативы по ассоциированию партнеров с Богом, различными сектами и конфессиями.

Он высоко ценит историческую роль, которую монотеистические религии играют в прогрессе общества: «Я люблю свою нацию, потому что я люблю свою мать. Я люблю все религии и тех, которые приносят религию, потому что истинная цель всего этого – вывести людей из тьмы в свет. Во времена религий они приглашали людей на хороший путь в соответствии со временем, то есть готовили их идти к общей точке» [3, с. 189].

Главное, что объединяет религиозное мировоззрение обоих героев, – это идея о том, что «Нет Аллаха кроме Аллаха». «Почему меня следует называть мусульманином, вас – христианином, а кого-то еще евреем или язычником», – когда Бахадыр сказал это, он увидел ошибку шагов, предпринятых человечеством, не объединившихся вокруг Таухида. Шейда бек продолжает ту же позицию. Его мысли вращаются вокруг вопроса «почему люди разделены?».

Его размышления о важности соблюдения исламской морали, законов шариата в воспитании и прогрессе общества и его проявление в практической деятельности доказывают тесную связь просветительских взглядов Шейды бека с исламскими ценностями.

Автор не выделяет своего героя из контекста восточного, мусульманского мира. Его воспитание в мусульманской среде не скрывает влияния этого воспитания на всю систему мышления Шейды бека. Напротив, Шейда бек сходится

с автором произведения из-за его религиозного мировоззрения. Место действий и поступков, мыслей и идей Шейды бека в исламском мировоззрении Ш. М. Ганизаде связывает, прежде всего, с его семейным воспитанием.

Ш. М. Ганизаде открыто заявляет, что корни веры Шейды бека в Таухиде также восходят к классической восточной поэзии. Размышляя над стихами, которые читает Шейда бек из классиков, можно сделать вывод, что подавляющее большинство из них являются поэтическими интерпретациями стихов Священного Корана. В первой части «Məktubatı – Şeyda bəy Şrvanı» – «Müəllimlər iftixarı» он выражает свою философию жизни и просвещенные взгляды, которые часто относятся к его исламскому мировоззрению, с более теоретическими суждениями, а во второй части – «Gəlinlər həmayili» доказывается, что он истинный верующий – способен практически следовать тому, что он теоретически принял. Шейда Бек заменяет золотое ожерелье, который обещал подарить в день свадьбы своей племяннице Дилафруз, написанным для нее «Наставлением». События, происходящие в произведении «Gəlinlər həmayili», взгляды Шейды бека на эти события связаны с философией чести ислама в целом, с отношением к женщине. С религиозным мировоззрением героя напрямую связано и высказывание Шейды бека о том, что в его сознании «то, что тебе доверено, надо беречь как зеницу ока». Шейда бек получает силу собирать себя, чтобы противостоять похотливым шалостям Софии, укрепляя себя с «религиозной тоникой». «Религиозная тоника» выводов Шейды бека становится сильной хадисами пророка Мухаммеда (мир ему и благословение Аллаха), а также аятами из Корана.

В религиозных воззрениях Бахадыра и Шейды бека в конце XIX – начале XX вв. по отношению к исламу, в подходах к проблеме Ислама и общества отражается система взглядов целого слоя национальной интеллигенции.

Проза 20-х годов выступает как носитель традиции прозы начала XX века и выходит за ее пределы. В произведениях, написанных в начале XX века, образы верхнего слоя создавались объективным авторским наблюдением. Но в 20-е годы вопрос несколько усложняется. В эти годы классовый фактор выходит на первый план как в создании образов высшего сословия, так и в научной оценке этих образов.

Атеистический подход к ценностям ислама, который политическая система передает общественной мысли, проявляется и в героической

типологии прозы 20-х годов. Образы религиозных деятелей и людей, непосредственно связанных с религией, вынесены в центр художественного изображения в двух контекстах. Во-первых, в контексте борьбы с женским бесправием, во-вторых, как представитель класса, который не симпатизирует новой структуре и прямо или косвенно ей противостоит.

Образы: *Молла Халил* («Зимние ночи спящей деревни»), *Хаджи Султан* («Хаджи Султан»), *Кор Сейид* («Жена слепого»), *Молла Мирза Али* и *Хаджи Карим* («Месяц доброты и благословения»), *Мешади Ахмад* («Между двумя жизнями») С. Гусейна, *Хаджи Мухтар*, *Кербалаи Сафар* («В мире несправедливости»), *Мешади Гадим* («Несчастье в доме Мешади Гадима»), *Мешади Мурсал* («Рабыня господина»), *Мешади Гулам* («Преступление за свободу»), *Мешади Салман* («Ножницы»), *Ахунд Молла Сейфулла*, *Хаджи Гавам*, *Кербалаи Гасым*, *Мешади Юсиф* («Неожиданный результат») Т. Шахбази, *Молла Гульсум* («Дильбер») Дж. Джаббарлы, *Молла Раджаб* («Тукезбан – бой-баба») Б. Талыблы, *Молла Карим* («Демон»), *Сеид Самад* и *Сейид Ахмад* («Очаг Сейидов») А. Ахвердова дают хорошую основу для представления отношения к религии в художественной литературе 1920-х годов.

Если мы попытаемся классифицировать эти изображения наиболее типологическим образом, мы можем сгруппировать их в две группы. Во-первых, изображения религиозных деятелей: Моллы Халила, Моллы Мирзы Али, Моллы Гульсум, Моллы Раджаба, Моллы Карима. Во-вторых, изображения верующих, посетивших святые места ислама и завоевавших титулы Хаджи, Кербалаи и Мешади.

В начале XX века образы, связанные с религиозной мыслью, создавались как с позитивным, так и с критическим подходом. А в прозе 20-х годов образ всех людей, связанных с религией, негативен, иными словами, является объектом критики. Это связано с социально-политическими причинами, а также с отношением к людям, связанным с религией в общественной жизни.

Вполне законно и понятно, что в прозе 20-х годов целью критики было и то, что те, кто торгует от имени религии и шариата, религиозные деятели, совершающие религиозные обряды в своих интересах, посещающие святые места в Мекке, Кербеле, Хорасане, рассказывают о делах, выходящих за рамки дозволенного Аллаха, в мече «верующего». Но дело в том, что на первом этапе нет тотального негативного отношения к носителям религиозных убеждений.

Проза 20-х годов в контексте женской свободы является предметом одностороннего изображения как религиозных деятелей, так и носителей религиозных убеждений – Хаджи, Кербалаи, Мешади. Подавляющее большинство этих образов не предстает в виде образа живого человека и не демонстрирует индивидуального характера, они словно исходят из одной души, они кажутся повторениями друг друга.

В этом смысле образы мулл или ахундов являются предметом всестороннего анализа. Определена эстетическая нагрузка образов Моллы Халила в рассказе С. Гусейна «Зимние ночи спящей деревни», Моллы Мирзы Али в «Месяц доброты и благословения» или Мирзы Карима в «Демоне» Б. Талыблы.

С. Гусейн, Б. Талыблы также концентрируют в созданном им образе представления политического режима о религиозном деятеле.

Б. Талыблы, С. Гусейн также создают своих «Мулл» как символ невежества, врага светских наук, образ человека, который ставит личные интересы превыше всего, ради личной выгоды готов на всякое искажение положений Корана и шариата, создают образы, у которых нет национального или гражданского мышления, которые намерены эксплуатировать людей и держат их под своим влиянием во имя религии. Проза 20-х годов становится пропагандистом политики политического режима культурной революции. В этой прозе клуб воспринимается как символ культуры, мечеть – как символ отсталости. Проза 20-х годов обычно приводит героя в клуб, отдавая его от семейного окружения. В этой прозе клуб понимается как средство «изменения человеческого материала, подготовки новых строителей и организаторов жизни» [4, с. 5]. В прозе 1920-х годов женщина, которая не прошла через общественный конвейер, называемый «клубом», однозначно оставалась носительницей невежества.

И хотя клубная жизнь понимается и воспринимается как адекватная современности, тенденция литературных законов к действительности заставляет писателя отражать и реальное отношение к этим процессам в национальном обществе. Хотя национальный персонаж не до конца понимает суть происходящего в клубе, он понимает, что «игреть», производимые «короткими юбками», не соответствуют исторически сложившемуся образу жизни, и такой образ жизни оценивается азербайджанскими мужчинами и женщинами как антимусульманский элемент. В прозе 20-х годов можно заметить определенные различия в подходах художников того времени к процессам, порожденным культурной рево-

люцией, в том числе и по отношению к религии. Если у С. Гусейна и Дж. Джаббарлы проникновение этой культурной революции в нашу жизнь сопровождается авторским взглядом с открытой и позитивной тенденцией, то Т. Шахбази склонен давать и объективную реалистическую картину событий. Но иронический авторский взгляд на события, происходящие в описаниях Т. Шахбази, не является исключением. Один аспект, который Т. Алишаноглу правильно обобщил в рассказах Т. Шахбази, – рассуждение о том, что описания «вызывают смех и иронию» во многих моментах также подтверждает нашу точку зрения.

Наблюдения за прозой 20-х годов также приводят литературоведение периода независимости к выводу о «крайней революционизации среды». По характеру последствий, порожденных безграничностью и безразмерностью места, отведенного женщине в революции, иногда в прозе 20-х годов она доводит до крайности сарказм и иронию даже в авторском взгляде [6, с. 92]. Рассказ Б. Талыблы «Тукезбан – бой-баба» отражает серьезные последствия гибели неграмотной женщины в политических и социальных процессах 1920-х годов, иронического характера ее обладания властью.

В анализе Б. Талыблы нет тенденции скрывать процессы, происходящие в обществе, нет цели подчинять эти процессы позиции правительства совета, напротив, автор пытается отразить происходящее со всей силой своего таланта, отражая действительность с точки зрения объективных истин. В описаниях писателя создается картина антигуманистического подхода к людям высших сословий.

Советский стиль нравственности, который проза ставит в противовес тысячелетним исламским традициям и национальным обычаям, становится главным критерием подхода ислама к образам, носителям ценностей. Образы, являющиеся носителями религиозных ценностей, иногда опосредованно, а иногда и через прямые образы, деконструируются и отвергаются как символы прошлой жизни.

Критика и литературоведение советской эпохи восхваляли такое отрицание религиозных ценностей как обновление. Исследователи часто приравнивали восприятие авторами религии к сектантской дискриминации, религиозным деятелям, искажающим суть религии, и ошибочным суждениям. В результате религиозное мировоззрение, обнаруженное в трудах просвещенных реалистов, часто описывалось как антирелигиозное, а зачастую и атеистическое. Однако хорошо, что на

последнем этапе изучения советского литературоведения были некоторые объективные взгляды на позицию просветителей-реалистов с точки зрения религиозного мировоззрения. Я. Караев пишет: «На этом этапе также усложняется отношение к религии. Просветительство М. Ф. Ахундова признавало только разум, не разделяло его положения и роли ни с кем и ни с чем... А просветители последней четверти XIX века, наряду с разумом, принимают Бога, призывают на помощь, вооружаются в борьбе с религиозным фанатизмом самым священным оружием самой религии – Кораном» [5, с. 129]. По сути, эти суждения выражают объективное проникновение в суть просветительской реалистической литературы конца XIX – начала XX веков: они свидетельствуют о правильном обобщении исследователем эстетических истин, выраженных художественными текстами. Но поскольку эти объективные истины идеологически не удовлетворяли литературоведение советского периода, продолжение научной интерпретации в этом направлении становится невозможным. В литературоведческих интерпретациях тенденциозно объясняются выводы, полученные из объективного анализа художественных текстов. Я. Караев трактует «принятие Аллаха» реалистов-просветителей, «вооружение Корана» как «религиозную тюль» [7]. Идеализм, религиозные убеждения, взгляды в воззрениях реалистов-просветителей на жизнь, общественные явления сводятся к роли средства выражения просветительской мысли. Разумеется, такая трактовка взглядов просветителей на религию была полностью лишена объективных научных оснований. Дело в том, что такие подходы не отражали реалий национальной социокультурной среды конца XIX – начала XX веков. Дело было не только в том, что реалисты-просветители в своих произведениях выступали непосредственно с позиций религиозного мировоззрения, что по существу было искажено и опровергнуто. Дело было еще и в том, что такие подходы не могли выразить сложности ни социально-культурной среды, ни эстетической мысли. Объяснение авторским мировоззрением, реалиями художественного текста непосредственно атеистически-материалистическим мышлением отодвигает на второй план восточно-мусульманский и национальный контексты, а также идеалистическое мировоззрение, приводя к одностороннему объяснению литературно-культурной среды.

А в некоторых исследованиях периода независимости правильно понимается сущность прозы

как пропагандиста идеологической политики, речь идет о пережитках национального характера. В исследованиях этого типа необходимо, чтобы правильная позиция, продемонстрированная в постановке и научном решении проблемы, была продолжена и в будущих исследованиях.

Выводы и предложения. Отсюда общий вывод, что просветительно-реалистическая проза конца XIX – начала XX веков в отношении к Исламскому мировоззрению прошла два этапа.

В прозе периода до 1920 года Исламское мировоззрение было ведущим, а на этапе после 1920 года в художественной прозе в связи с требованиями идеологии на первое место вышел критический взгляд на религиозное мировоззрение. Литературоведение пыталось оценить прозу обоих этапов с атеистической позиции. В прозе обоих этапов возникает необходимость объективно определить место религиозного мировоззрения и обобщить его на научной основе.

Список литературы:

1. Əhmədov B. XX yüzil Azərbaycan ədəbiyyatı. Bakı: Elm və təhsil. 2015, 552 s.
2. Məmməd T. Ədəbiyyat müasir elmi yanaşmalar kontekstində. Bakı, "xan" nəşriyyatı 2016. 416 s.
3. Nərimanov N. Seçilmiş əsərləri. Bakı, Lider nəşriyyatı, 2004, 496 s.
4. Quliyev M. Mədəni inqilab və islam. Bakı, azər nəşr, 1928, 52 s.
5. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, İki cildə, II cild. Bakı. ƏA Az. nəşr, 1944, 398 s.
6. Əlişanoğlu T. Əsrdən doğan nəsr. Bakı, Elm, 1999, 115 s.
7. Qarayev Y. Realizm: sənət və həqiqət. Bakı, Elm, 1980, 258 s.

Dovlatzade M. A. THE ENLIGHTENMENT OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY AND THE ENLIGHTENMENT OF THE 20S OF THE XX CENTURY: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article examines the realities of the literary text in the educational realistic prose of Azerbaijan, the role of national and religious values underlying these realities. The place of Islamic morality in the author's worldview is occupied by scientific clarity. Complementary sides are revealed between the author's worldview and the characters' views on the problems. The author reveals her scientific position based on the analysis of samples of fiction from the same period. The research is aimed at identifying the artistic expression of the educational worldview of the author in the works. The period of the early twentieth century was chosen for the study, especially up to the 20s and 20s. In the course of the research, the author reveals her scientific position based on the analysis of the works of the intelligentsia-enlighteners of that time. These works are presented by the author as works that carry the aesthetic principles of educational realism, as well as artistic samples that reveal the role of national and religious values in human education. At the same time, in studies of different eras, the nature of the scientific attitude to these works is also being investigated. The author of the article substantiates her views on the typology of images, the structure of the plot, against the background of a vivid manifestation of aesthetic qualities inherent in educational realism in the embodiment of the author's idea. And in the prose of the 20s of the twentieth century, she draws attention to the presence in the author's educational worldview of the tendency of a critical attitude towards religion and clarifies the correctness of its justification by Soviet ideology. It is noted that the works that appeared as an artistic expression of the author's worldview actually fulfill a political and ideological mission. In this sense, typological differences arise between the enlightenment of the early XX century and the enlightenment of the 20s. Considering that at a new stage in comparison with the middle of the XIX century, national social thought, the struggle for national existence and consciousness took the form of a radical movement, it can be considered that the Islamic worldview, which is beginning to take its place in social and cultural-aesthetic thought, acts as an expression of national self-consciousness, national progress, attachment to historical roots.

Key words: educational realism, religious worldview, enlightenment, prose, national value, Islam.